

ДЭН УЭЛЛС

ДЭН УЭЛЛС

ФРАГМЕНТЫ

ПАРТИАЛЫ II

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)
У98

Dan Wells
Fragments

*Печатается с разрешения издательства HarperCollins
Children's Books, a division of HarperCollins Publishers
и литературного агентства Synopsis L.A.*

Дизайн обложки Александра Шпакова

Уэллс, Дэн.

У98 **Фрагменты / Дэн Уэллс ; [пер. с англ. П. Волцита]. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 576 с. — (Партиалы).**

ISBN 978-5-17-094705-8

Партиалы — искусственные существа, взбунтовавшиеся против своих создателей. Однако совершенные существа оказались смертны, как их враги — люди. Теперь ждет катастрофа — одна на всех. Что делать, если ты больше не человек, и никогда им не был? И в союзниках у тебя чокнутый представитель теперь уже враждебного рода? И стоит ли исцеляющий препарат той цены, которую придется заплатить? Обратный отсчет уже начался.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-17-094705-8

Copyright ©2013 by HarperCollins Publishers
© П. Волцит, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2016

*Эта книга посвящается каждому,
кто хоть раз признавал свои ошибки.*

*Умение сказать «я был не прав» — не признак
слабости или недостатка верности себе,
но одна из сильнейших сторон любого разумного
существа: что человека, что партиала.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Поднимем бокалы, — проревел Гектор, — за лучшего офицера Новой Америки!

Зал сотрясся от звона бокалов и гудения сотен голосов. «Корнуэлл! Корнуэлл!» Солдаты шумно чокались кружками и бутылками, а потом, синхронно булькая, опустошали их, грохали на стол или даже швыряли об пол, убедившись, что все выпито до дна. Сэмм молча наблюдал, еле заметно подстраивая дальновизор. Окно было мутным, но это не мешало ему видеть ухмылки солдат, хлопавших друг друга по спине, гогочущих над скабрёзными шутками и ставших не смотреть на полковника. Связь в любом случае рассказывала им о Корнуэлле все.

Сэмм, прятаясь среди деревьев на другом склоне долины, за пределами досягаемости Связи, был лишен такой роскоши.

Он слегка повернул ручку треноги, на доли миллиметра сдвигая микрофон влево. На таком расстоянии при малейшем смещении звук собирался совсем из другой части зала. Голоса в наушнике размазались, обрывки слов и разговоров слиплись в вязкий комок, и вот он уже слышит другой голос, не менее знакомый, чем голос Гектора, — Адриан, в прошлом сержант Сэмма.

— ...понятия не имею, что их добило, — рассказывал Адриан. — Ряды противника дрогнули, как мы и рассчитывали, но на несколько минут от этого ста-

ло только хуже. Сбитые с толку, враги падали в белый свет, и мы вжались в землю и не могли прийти ему на помощь. Корнуэлл, не дрогнув, продолжал удерживать угол, а его стражеспес все выл и выл, чуть ли не оглушая нас. Не было пса вернее, чем собака полковника, она его просто боготворила. То был последний крупный бой в Ухани — через пару дней город был наш.

Сэмм вспомнил ту битву. Ухань, один из последних городов, павших в Войне за Изоляцию, была взята почти шестнадцать лет назад, в марте 2061-го. Но для Сэмма то было боевое крещение; в памяти до сих пор жили звуки, запахи и резкий привкус пороха в воздухе. Голова загудела от воспоминаний, и фантомные данные Связи хлынули в мозг, вызывая прилив адреналина. Инстинкты и тренировка мгновенно включились в игру, повышая внимание, обостряя чувства, стимулируя сознание, заставляя Сэмма вжиматься в тень склона, готовая к битве, шедшей исключительно в его голове. Затем почти сразу наступила противоположная реакция — волна расслабления. Он ни с кем не связывался вот уже много дней, и внезапное ощущение Связи, пусть даже мнимое, доставляло почти болезненное наслаждение. Парень закрыл глаза и попытался удержать его, сосредоточившись на воспоминаниях, стремясь вновь прочувствовать их, еще сильнее, но через несколько мгновений они улетучились. Он был один. Сэмм открыл глаза и снова прильнул к дальновизору.

Солдаты уже вступили в рукопашную с горами жареной свинины на больших металлических подносах. Стада диких свиней были обычным делом в Коннектикуте, но в основном в глухих лесах вдали от поселений партиалов. Ради такого пира охотникам пришлось изрядно поездить. Желудок Сэмма заворчал от одного вида мяса, но он даже не шевельнулся.

Едоки внезапно подобрались и напряглись, едва заметно, но одновременно: Связь их о чем-то предупредила, — о чем, Сэмму оставалось только догадываться. «Полковник», — подумал он и повернул дальноvizор обратно на Корнуэлла. Тот был все так же плох — разлагающийся живой мертвец, — но его грудная клетка еще вздымалась и опадала, какого-то явного ухудшения Сэмм не заметил. Возможно, приступ боли. В зале никто не обращал на него внимания, и Сэмм решил делать то же самое. Время, судя по всему, еще не пришло, и тризна продолжалась. Он вслушался в еще один разговор, в очередные воспоминания о славных деньках Войны за Изоляцию, там и тут рассказывали истории про Революцию, но ничто не будоражило память Сэмма так, как рассказ сержанта. Постепенно вид лоснящихся жиром ребрышек и звук работающих солдатских челюстей стали невыносимы, и Сэмм аккуратно вытянул из вещмешка пакет вяленой говядины — жалкое подобие сочной свинины, которой наслаждаются бывшие товарищи, но хоть что-то. Он заставил себя вновь поглядеть в визор и уткнулся взглядом в майора Уоллеса, как раз вставшего, чтобы произнести речь.

— Лейтенант-полковник Ричард Корнуэлл не может сегодня говорить с вами, но мне выпала честь сказать пару слов от его имени. — Уоллес двигался медленно, не только его походка, но и жесты, речь — каждое движение было отточено и выверено. Он выглядел ровесником Сэмма, восемнадцатилетним юношей, но на самом деле ему уже почти исполнилось двадцать: срок действия подходил к концу. В ближайшие месяцы, если не недели, он начнет разлагаться, как сейчас Корнуэлл. Сэмм почувствовал озноб и плотнее закутался в куртку.

Пирующие затихли, как Сэмм, и голос Уоллеса мощно прокатился по залу, жестяным эхом отдаваясь в наушниках.

— Я имел честь служить с полковником всю свою жизнь: он своими руками вынул меня из родильного автоклава, он же готовил меня в тренировочном лагере. Он — лучший из всех, с кем мне довелось встретиться, и прекрасный командир. У нас нет отцов, но мне хотелось бы думать, что, будь они у нас, мой отец был бы похож на Ричарда Корнуэлла.

Уоллес замолк, а Сэмм замотал головой. Корнуэлл был их отцом — во всех смыслах, кроме строго биологического. Он учил их, вел, защищал, делал все, что должны делать отцы. Все, что Сэмму сделать не суждено. Он до предела довернул увеличение, приближая лицо майора, насколько возможно. Слез на нем не было, но глаза казались мрачными и усталыми.

— Мы были созданы, чтобы умереть, — продолжал майор. — Убивать и затем умереть самим. У наших жизней было всего две цели, и мы исполнили первую пятнадцать лет назад. Порой мне думается, что наибольшая жестокость — не сам срок действия, а вот эти пятнадцать лет, которые потребовались нам, чтобы узнать о нем. Самым молодым из вас придется хуже прочих, ибо вы уйдете последними. Мы родились на войне и заслужили свою славу, а теперь сидим и наблюдаем за смертью друг друга.

Зал снова охватило напряжение, в этот раз сильнее, некоторые вскочили. Сэмм бешено крутил визор, высматривая полковника, но большое увеличение не давало ему поймать нужный вид, и он потратил несколько беспомощных секунд на паническое рысканье по залу, слушая выкрики «Полковник!» и «Время пришло!». Наконец Сэмм сообразил отодвинуть фо-

кус, навел визор и вновь приблизил кровать полковника, стоящую на почетном месте перед всем залом. Он видел, как старик затрясся в кашле, как из уголков его рта потекли струйки крови. Полковник уже был подобен трупу, его клетки распадались, а тело гнило буквально на глазах у Сэмма и других солдат. Корнуэлл что-то пробормотал, скривился, закашлялся и замер без движения. Зал молчал.

Сэмм с каменным лицом смотрел, как солдаты готовились к последнему смертному обряду: без слов открывали окна, раздвигали шторы, включали вентиляторы. Люди встречают смерть плачем, речами, рыданием и скрежетом зубов. Партиалы — единственным доступным им способом: через Связь. Их тела, созданные для битвы, после смерти высвобождают море данных, предупреждающих товарищей об опасности, а те, в свою очередь, выделяют все новые и новые данные, передавая информацию. Вентиляторы распространяли данные по воздуху, чтобы все партиалы мира подключились к Связи и узнали, что умер великий воин.

Сэмм ждал в напряжении, чувствуя, как ветерок обдувает его лицо. Он хотел и не хотел этого: Связи и боли, единения и печали. Ужасно, как часто в последнее время соединялись два эти чувства. Он смотрел на листья, дрожавшие на деревьях в долине под ним, на ветви, изящно выгибаемые ветром. Данные так и не дошли.

Слишком далеко.

Сэмм сложил визор и направленный микрофон, убрав их в вещмешок вместе с маленькой солнечной батареей. Дважды осмотрев место, убедился, что ничего не оставил; пакет с едой уже лежал в ранце, наушники — в кармане, автомат висел на плече. Заровнял носком ботинка отметины треноги на земле,

не оставив даже такого свидетельства того, что здесь кто-то был.

Кинув последний взгляд на похороны полковника, он натянул противогаз и вернулся в свое изгнание. В этом доме не было места дезертирам и перебежчикам.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Солнце пробивалось сквозь разрывы между силуэтами домов, выжигая узор неровных желтых треугольников на разбитых мостовых. Кира Уокер внимательно следила за дорогой, сторбившись за ржавым такси на дне глубокого каньона улицы. Трава, кустарники и молодые деревца без движения стояли в трещинах асфальта, не колеблемые ветром. Город замер.

И все же что-то двигалось.

Кира вскинула винтовку, надеясь на увеличение оптического прицела, но тут же вспомнила — в который раз, — что прицел разбился при падении еще на прошлой неделе. Ругнувшись, опустила ствол. «Как только закончу, найду какой-нибудь оружейный магазин и заменю эту дурацкую штуку». Она вгляделась в дорогу, стараясь разделить формы и тени, и успела вновь вскинуть винтовку, прежде чем еще раз выругаться себе под нос. «Старые привычки живут долго». Пригнув голову, девушка сдвинулась к задней части такси; в сотне футов от нее, перегораживая половину улицы, стоял фургон, скрывавший ее движения от того — или тех, — кто находился дальше. Она выглянула, с минуту внимательно поизучала неподвижную улицу, а затем, сжав зубы, побежала. Ни пуль, ни звона, ни рева — фургон сделал свое дело. Добежав до него, Кира припала на одно колено и выглянула из-за бампера.

Антилопа канна неторопливо двигалась сквозь подлесок, тонкие рога изящно изгибались к небу, а длинный язык ловко обрывал ростки и листья, пробивавшиеся между булыжниками. Кира застыла, напряженно вглядываясь; параноя не сдавалась, отказываясь принять, что именно движение антилопы она и засекла. Над головой хрипло крикнул кардинал, через мгновение к нему присоединился еще один, ярко-красные вспышки вертелись, и пикировали, и гонялись друг за другом между проводами и светофорами. Канна рассеянно ощипывала свежие листья молодого клена. Кира наблюдала, пока не удостоверилась, что больше смотреть было не на что, потом на всякий случай понаблюдала еще чуть-чуть. На Манхэттене нельзя быть чересчур внимательной — в предыдущее посещение этого «дивного» места на нее напали партиалы, а в этот раз за ней уже погнались и медведь, и леопард. Вспомнив о них, она застыла, обернулась и еще раз проверила улицу за спиной. Пусто. Девушка закрыла глаза и сосредоточилась, пытаясь почуять партиала в зоне досягаемости, но ничего не получилось. И раньше не получалось — по крайней мере, так, чтобы это чувствовалось явно, — даже когда она провела целую неделю рядом с Сэммом. Кира тоже была партиалом, но особенным: она не подключалась к Связи и не проявляла других особенностей, выросла и росла, как обычный человек. Правду говоря, девушка сама толком не знала, кто она, а спросить было не у кого. Ей и поговорить-то об этом было не с кем — кто она, знали только Сэмм да сумасшедшая партиалка доктор Морган. Даже Маркусу, лучшему другу, Кира не открылась.

Она недовольно поежилась, нахмурившись от смятения, как всегда охватившего ее при размыш-